

Лучший
художественный гид
по ИСПАНИИ

Наталья
ПОЛЯНСКАЯ

Испанская
гитара

Гид путешественника

Наталия Полянская

Испанская гитара

«Автор»

2013

Полянская Н.

Испанская гитара / Н. Полянская — «Автор», 2013 — (Гид путешественника)

ISBN 978-5-699-63849-9

В пресс-тур по Испании Маша поехала не только для того, чтобы посмотреть страну. Гораздо больше девушку волновали поиски сестры, пропавшей как раз на этом маршруте. Но, даже несмотря на тревогу о судьбе сестры, романтическая и темпераментная Испания тронула Машино сердце. Разве можно остаться равнодушной при виде средневековых улиц, мрачных крепостей и роскошных мавританских садов?.. Маша не смогла.

ISBN 978-5-699-63849-9

© Полянская Н., 2013

© Автор, 2013

Содержание

1	6
2	11
3	15
4	20
5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Наталия Полянская

Испанская гитара

© Полянская Н., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Лене, которая показала мне, какой может быть дорога

Направление: Испания

Разница во времени с Москвой: -3 часа

Как добраться до Мадрида:

Прямые рейсы из Москвы в Испанию: «Аэрофлот», «Air Europa», «S7 Airlines», «Alitalia», «Iberia» и другие. Время полета – приблизительно 5 часов.

Прямые рейсы из Санкт-Петербурга бывают редко, в основном с пересадкой.

Время полета – от 6 до 12 часов.

1

Любовь, деньги и заботы скрыть нельзя: любовь – оттого, что она творит глазами, деньги – оттого, что они сказываются в роскоши того, у кого водятся, а заботы – оттого, что они написаны на лбу человека.

Lone de Vega

– ...Ты меня слушаешь?!

– Да, – сказал Павел, – да, я тебя слушаю.

И соврал, конечно.

Не мог он ее слушать, уже совсем не мог. Она повторяла то, что он слышал уже тысячу раз – и о том, как ее надежды «накрылись медным тазом» (почему-то именно это выражение использовала его жена, говоря о надеждах, и Павел недоумевал – что, они могли вестись только вот в этот самый таз, и больше никуда?), и о том, как любовная лодка разбилась о быт (надо полагать, вдребезги), и о том, какой он эгоистичный, самовлюбленный, никчемный, ленивый, равнодушный (нужное подчеркнуть).

– Ничего ты не слушаешь! – устало сказала она, и Павел, почему-то вдруг разозлившись на себя за то, что в последнее время в мыслях называет жену исключительно «она», не по имени, буркнул:

– Ирина, что такое особенное я должен сейчас услышать?

– Ты совсем меня забросил, а сегодня, между прочим, суббота, и я обещала маме, что мы ее на рынок свозим и на кладбище, мы там с прошлого года не были, могилу отца убрать надо! И ты сто раз клялся полки в кладовке прибить, там уже все на меня валится, когда я захожу!

– Не складывай, – посоветовал Павел, – а лучше вообще выкинь.

У нее сделалось очень несчастное лицо – он глянул мельком, но все равно запомнил: губы подрагивают, словно она плакать собралась, глаза тоже подозрительно влажные, как у оленя, и завитая светлая челочка надо лбом свисает как-то особенно горемычно.

Когда он на ней женился, ему казалось это прекрасно – глаза, как у оленя. Что, что в этом прекрасного? Олень – тупая рогатая скотина, и ест он дрянь, кто же на одной траве выживет?! Павлова жена, постоянно сидевшая на диетах, на траве вполне выживала, делала салаты из рукколы с льняным семенем и пыталась кормить этим Павла. Дескать, большой слишком, и похудеть бы не мешало.

– Куда выкинуть? Ты что несешь? Там наши вещи лежат, и твои, между прочим. Я снарягу твою выкину, так ты меня потом со свету сживешь.

Слово «снаряга» она произнесла так, как будто это было нечто неприличное, о чем в хорошем обществе стыдно упоминать.

– А еще там банки с краской, летом ведь ремонт делать начнем, и вот их бы как раз на полки поставить, потому что друг на друге они стоят, конечно, могут, но не по десять же штук!

– А зачем нам столько? – спросил Павел рассеянно. – Мы что, заодно будем перекрашивать крейсер?

– Какой крейсер? – переспросила жена и даже немного растерялась.

– Боевую единицу российского флота, – объяснил Павел, кликнул «мышкой» и переложил шестерку бубей на семерку пик. – Корпус, трубы, якорь и экипаж. Иначе зачем нам столько краски?

– Паша, как ты можешь шутить, когда я с тобой серьезно?!

«Хоть бы кто-нибудь позвонил», – подумал Павел с тоскою и покосился на лежащий на столе телефон. Никто не должен звонить – суббота ведь, семейный день, все дрыхнут до часу дня, шатаются по рынкам и кладбищам или везут на дачи трепещущую рассаду, – и все-таки

хотелось, чтобы чудо свершилось, пусть крохотное, пусть номером ошибутся, лишь бы взять тайм-аут в разговоре с женой.

Телефон завибрировал и засветился синим. Некоторое время Павел с Ириной смотрели, как он это делает, а затем Павел взял телефон и сказал:

– Да!

– Так вот сразу и да? – ехидно поинтересовались в трубке. – Я еще ничего предложить не успел, а ты уже согласен!

– А может, так и есть, – заявил Павел. Жена делала ему какие-то знаки руками и лицом, и он от нее отвернулся.

– Тебе бы ясновидящим заделаться. Знаешь, есть такой предсказатель – Павел Глоба? И ты был бы, у тебя фамилия красивая.

– Егор, – сказал Павел, радуясь, что это не ошибка, звонит старый друг, который лучше новых двух, – ты чего мне трезвонишь? Сегодня семейный день!

Про семейный день он специально сказал, для жены. Сказал так, что через мгновение дверь хлопнула: Ирина ушла.

– Я знаю, знаю, – вздохнул Егор Ковальчук, – да только тут такое дело, Паш... Чем ты на следующей неделе занят? А если точно, то с понедельника и дней десять?

Павел помолчал.

– А что?

– У тебя в паспорте как, виза шенгенская все еще открыта?

– Ну, полгода не прошло, если ты об этом.

– Об этом я. Слушай, слетай вместо меня в пресс-тур. Фирма твоя без начальника проживет недельку, только лучше станет. Дай подчиненным отдохнуть, они у тебя там воют, света белого не видят.

Павел Санников встал, подошел к окну и отогнул край занавески. «Отогнув уголок занавески, смотрят барышни в каждом окне...» Песня вспомнилась и назойливо завертелась в уме. Никаких барышень, кроме Павла, который не барышня вовсе, в окнах соседнего, к примеру, дома не наблюдалось. Виден из окна был двор, подъезды соседние, кусок детской площадки, где закутанный по самые уши, несмотря на конец апреля, юный архитектор сосредоточенно возводит в песочнице замок.

– Почему это я должен ехать вместо тебя в пресс-тур? – спросил Санников и отогнул занавеску еще больше – посмотреть, на месте ли машина. Машина никуда не делась, на капоте ее сидел дворовый кот и, судорожно вытянув заднюю лапу, с оттягом ее вылизывал. Вот паршивец, подумал Павел. Сейчас наследит, а потом оттирать. Можно и не оттирать, но жена крик подымет – что это такое, ездить с кошачьими следами на капоте!

– Потому что у меня аврал, помноженный на дедлайн, – объяснил Ковальчук. – Пять статей к среде, три к пятнице. Пресс-релиз этот еще... ну этим, металлургам, а, ты все равно не знаешь. Как я в пресс-туре буду все это сдавать?

– А как мои орлы без меня на неделе? Нам, между прочим, депутата заказали.

– Что, насмерть?

– Да ну тебя. Он какой-то важный депутат и с каждым днем все важнее. В понедельник мы встречаемся и заключаем с ним контракт, и я должен быть.

– Заместителя отправь, – сказал Егор. – Ну что ты, как красна девица, ну мне на колени встать? Мне позарез нужен человек в пресс-тур. Ты у нас внештатник, я тебя оформлю, статью потом напишешь, там особого мастерства не нужно, знай хвали фирму и отели, да и все. Можешь погоду похвалить. Погода там нынче хорошая.

– Где это – там?

– В Испании.

– Цыганка с площади мадридской мне душу сладко берedit! – провозгласил Павел, у которого стремительно улучшалось настроение. – Давай подробности.

– Десять дней, девять ночей, прилетаете в Мадрид – тут ты угадал – и дальше едете по парадорам.

– По кому?

– По чему. Это местные государственные гостиницы, тебе там объяснят. Ездите, осматриваете достопримечательности, кушаете, пьете, отдыхаете, восхищаетесь – словом, обычный набор. Я туда уже катался, именно этим маршрутом, второй раз не хочу.

– Что, такой маршрут плохой?

– Маршрут отличный, но мне лень. – Ковальчук о своей гипотетической лени говорил с уважением, как будто долго завоевывал право на нее и вот наконец завоевал. – Скорее всего, группа соберется небольшая, шуму мало, гиды у них хорошие. Ну будь другом, выручи, Паш. Ничего же делать не надо. Кто тебя в ближайшее время по Испании бесплатно прокатит?

– Никто, – согласился Санников.

Действительно, кто его прокатит, когда работы всегда прорва, когда по выходным – дача за сто километров от Москвы, куда пилить три часа и потом полоть там грядки, от чего загораешь странными местами. Полоть грядки и чинить крышу, которую клал еще дед, причем не Пашин, чужой какой-то дед, и потому ее нельзя разбирать и сделать нормально – только дыры латать. Подумав о даче, Павел скривился.

– В общем, так, – продолжал говорить Ковальчук, – компания «Эстрела-Тур», вылет в понедельник в двенадцать тридцать. В аэропорту нужно быть, соответственно, в десять. Вас там всех пересчитают и зарегистрируют. Если можешь, заезжай ко мне сегодня, я тебе документы передам. Только не раньше трех, раньше я не успею.

– Егор, – сказал Санников, – а точно никого, кроме меня, нет? Мне бы все-таки с депутатом встретиться.

– Соскучился по большой политике? – осведомился Ковальчук. Павел промолчал, и Егор, сообразив, что зря это сказал, заторопился: – Слушай, да ладно тебе. Съезди, развейся. Чем плохо?

– Действительно, – буркнул Павел, – ничем.

Он оглянулся на дверь, за которой, наверное, что-то происходило – его жена или яростно моет посуду, или драит пол, или переставляет в кладовой банки с краской, – и сказал нагретейшей трубке:

– Буду у тебя к пяти.

Маша лежала животом на кровати, устроившись так, что локти вдавливались в толстое покрывало, жевала яблоко и читала дивной красоты текст.

«Аридэль спрятал улыбку у основания ее шеи и тут же запечатлел на ее губах страстный поцелуй. Его глаза засветились триумфальной победой».

– Чьи глаза? – спросила Маша неизвестно кого. – Поцелуя? А чего светимся, без фосфора не обошлось?

Дальше было еще лучше: «Сквозь бушующий туман безумного желания он нехотя отпустил девушку».

– Что ж это он? – посочувствовала Маша охваченному страстью герою. – Перелом основания черепа барышне устроил, а теперь, значит, в туман?

Она часто разговаривала вслух, когда работала, и это невероятно, до дрожи злило Вольдемара.

– Я не хочу этой бредятины слышать! – орал он из другой комнаты, когда Маша принималась декламировать вслух куски из редактируемого текста или создаваемой статьи, а попутно отпускать ехидные комментарии. – Я домой пришел, я отдохнуть хочу, неясно, что ли?

Ей все было ясно, она закрывала дверь, старалась вести себя потише, но иногда увлекалась и хохотала в полный голос, и тогда Вольдемар прибавлял громкости телевизору.

Но сегодня Вольдемара нет – в компании таких же, как он, топ-менеджеров уехал кататься на лыжах в недавно построенный комплекс в Красногорске и не явится до вечера, а значит, можно валяться, ходить по дому в старой футболке и работать так, как привыкла, – с удовольствием.

Маша с хрустом откусила от яблока и штурмовала следующую страницу. «У меня тоже мороз по коже проходит, – вздохнула девушка».

– Мороз-воевода дозором обходит владенья свои! – резюмировала Маша и, временно выпустив из поля зрения ноутбук, перекатилась на спину.

Мороз-воевода дозором!.. Это из старой сказки. Хорошо бы сейчас действительно валяться без тревог, яблоко вот доесть, текст дочитать, потом пойти и приготовить себе оладушек – толстых, золотистых, целую гору, чтобы они лежали в синей расписной миске и пахли на всю кухню. Потом включить телевизор, там иногда показывают приключенческое кино или вот сказки Александра Роу – и сесть, и смотреть, и макать оладушки в жуткую смесь сметаны и малинового варенья, которого мама в прошлом году наварила просто ужас сколько.

Нет, вовсе это не из сказки, в поэме Некрасова совсем не сказочные дела творятся. Там еще было про русских женщин, про коня на скаку и горящую избу, и вот сейчас Маше уже очень хотелось, чтобы показался конь или потянуло дымком. Она покосилась на лежащий на подушке мобильный телефон, но он молчал и не думал звонить.

Она полдня уже гипнотизировала мобильник и давно позвонила бы сама, если бы не понимала: бесполезно. Оставалось ждать и читать про любовь черноволосого демона к юной невинной эльфийке и про их, натурально, неземную страсть.

Маша нехотя перекатилась обратно и невидящим взглядом уставилась в текст, который внезапно утратил половину своей привлекательности. Смеяться над ним больше не хотелось.

Мобильник, словно пристыженный, зазвонил, затрясся и съехал по подушке. Маша поползла к нему и едва не потеряла в солидных складках покрывала, а выудив, прижала к уху.

– Да! Да, я слушаю!

– Караулила? – проницательно спросила Лера. – С утра?

– Со вчерашнего дня, – созналась Маша, уткнулась носом в подушку и зажмурилась – на всякий случай. – Ну?

– Я все устроила, ты едешь. – Лерка никогда не тянула кота за хвост, тем более если знала, что Маше важно услышать ответ. – Рейс в половине первого, в аэропорту быть в десять. Довольна?

– Лерочка, ты самая лучшая! – завопила Маша так, что подруга наверняка отодвинула от себя телефонную трубку как можно дальше. – Спасибо! Что мне для тебя сделать?

– Не ехала бы ты, Мария, – серьезно посоветовала лучшая подруга. – Вот что ты считаешь там найти?

– Я не знаю, – вздохнула Маша и вылезла из подушки. Ноутбук укоризненно светил экраном; Маша прихлопнула ему крышку и побрела на кухню. – Не знаю, но все, что смогу найти, я найду!

– И дура, – необходимо заключила Лера. – Ничего ты там не найдешь. Прошляешься по замкам и монастырям, и все, тю-тю.

– Ты меня знаешь, – сказала Маша, отодвигая занавеску и выглядывая в окно. Ничего особенного там не показывали – серый, будто пылью присыпанный, московский апрель, крыши припаркованных вдоль дороги машин и стая каких-то черных птиц на едва проклюнувшейся травке – грачи, что ли? Грачи прилетели... – Я буду искать, пока что-нибудь не выясню.

– Я тебя знаю и только поэтому участвую в преступном заговоре! – провозгласила Лера. – Ладно, радость моя. Приезжай ко мне за бумажками. Заодно чаю попьем, я торт купила сливочный.

– Сейчас приеду, – сказала Маша и нажала на кнопку отбоя.

Она постояла, посмотрела еще во двор, а потом потрогала кончиками пальцев стекло – как будто прикоснулась к серому весеннему небу.

2

Уважать женщин – это долг, которому любой правдивый человек должен подчиняться с рождения.

Lone de Vega

Зима в этом году затянулась (как говаривали, глобальное потепление особенно удалось), и потому у людей, вылетающих из аэропорта Домодедово в теплые края, были очень радостные и просветленные лица. Кислой физиономией щеголяла только девушка, встречавшая участников пресс-тура около информационной стойки и державшая в руках табличку с надписью «Эстрела-Тур». Девушке предстояло остаться в столице, где снова зарядил мелкий дождик, из-за которого оглушительно пахло мокрым асфальтом и клейкими листочками лип.

Впрочем, раздавая папки с билетами, ваучерами на проживание, программой тура и тяжеленным глянцевым каталогом фирмы, представитель фирмы оживилась, рассказывала всем подходившим к ней, как прекрасно они проведут время и как им понравится Испания – словом, включила в себе профессионала. Глядя на ее свежее личико, Санников подумал, что был, наверное, к ней несправедлив. Просто она тоже хочет в Испанию, где будет жара, крепости и дороги, и не хочет возвращаться обратно в офис, где ничего такого нет – разве только на картинке.

Павел взял свой пакет с документами и отошел в сторону – пока ему вовсе не хотелось общаться с коллегами, которые, если честно, и не коллеги вовсе. Ну да, он внештатный корреспондент ежедневной газеты «Утро», он напишет статью для страницы, где рассказываются дивные истории о домашних любимцах и их хозяевах, о чудесных встречах и расставаниях, не менее чудесных, о далеких городах и открытиях британских ученых – вот сколько всего влезало на одну страницу. Но это не означает, что сейчас он обязан общаться с людьми, на которых за десять дней насмотрится от души. Павел полюбовался, как сотрудница фирмы что-то рассказывает двум красоткам, по виду типичным журналисткам – вон и ноутбуки у них с собой, и чемоданы с наклейками! – усмехнулся и пошел на регистрацию.

Окончательно воссоединиться группа должна была уже по прилету, а пока все, сколько бы их там ни оказалось, регистрировались на рейс самостоятельно и затем бродили по дьюти-фри. Санников, как пришедший одним из первых, выбрал себе отличное место у прохода – у окна он принципиально не сидел – это ограничивало свободу действий, а свободой Павел очень дорожил, во всех ее проявлениях.

Старые привычки, переведенные теперь на новый уровень, давали о себе знать.

Он тоже походил по дьюти-фри, просто так, ничего не собираясь покупать, но не сидеть же на стульчике перед выходом на посадку, отсчитывая минуты, – и долго смотрел на какие-то духи в больших количествах, думая, не привезти ли жене флакончик.

Духами дело не решить, сказал кто-то трезвый и умный внутри Павловой головы. Духи, цветы, конфеты – все это применимо на ранних стадиях, когда ты еще не понимаешь, кто эта женщина, знаешь только: ты хочешь с нею быть. Она может обижаться, потому что ты произнес какую-то фразу, воспринятую ею совсем не так, или же не понял, что она в ресторан хочет, или же заговорил про отпуск – а она уже подумала, что вы с нею в этот отпуск поедете, просто так, через неделю знакомства. Тогда либо ты перестаешь отвечать на звонки, либо покупаешь букет, который посоветует тебе милая продавщица в ларьке, бутылку вина, коробку конфет (хотя твоя пассия вечно сидит на диете, конфеты всегда куда-то быстро из коробки деваются, вот ведь парадокс!) и едешь искупать вину. И через некоторое время искупаешь, чему способствует душевный разговор и порция хорошего секса.

Врачи советуют обращаться к ним как можно раньше, чтобы вылечить болезнь на ранней стадии. Где-то он, Павел Санников, эту стадию прошляпил.

Он ведь всегда думал, что все у него будет не так, как у других. Что будет – ну вот как у отца с матерью, которые, как в сказке, жили долго и счастливо и умерли в один день, а до этого простиралась длинная жизнь, полная таких прекрасных вещей, как совместный отдых, блины по воскресеньям, внезапные поездки в город – просто так, погулять по Красной площади и Александровскому саду, или в парке Коломенского пройтись, или, например, в Царицыно. Павел не любил новое, отреставрированное Царицыно именно потому, что в том, старом, ощущалась особая романтика, и там они долго-долго гуляли с родителями, кидались охапками огненных кленовых листьев и фотографировались у стен и башен на старый «ФЭД». И всю жизнь, пока родители были живы, Павла не покидало спокойное и твердое чувство: к ним он может прийти всегда и увидеть, что так бывает.

Одна женщина всю жизнь любит одного мужчину, и наоборот, и только так и должно быть со всеми нами до скончания века. Павел и женился-то потому, что ему казалось, будто Ирина – та самая, волшебная, не фея, но уж точно колдунья, с которой каждый день будет сюрпризом.

Он не ошибся, в общем-то. Только сюрпризы все чаще становились неприятными.

Оттого, что позволил самому себя пожалеть, Павел рассердился и духи не купил.

Смысла никакого.

Он отправился к выходу на посадку, сел поблизости и некоторое время читал книжку с телефона, а потом появились работники аэропорта и начали грузить всех в самолет.

Народу в Испанию летела тьма – еще бы, кому не хочется сбежать от зимы, которая, мерещилось, все не желает уходить, все цепляется холодными костлявыми лапами. А ведь уже почти начало мая... Именно майские праздники, видимо, и следовало благодарить за то, что на рейсе на Мадрид оказалось столько молодых семей с неугомонными детьми – и уже сейчас было понятно: покою они не дадут. Станут носиться по проходу, истерически визжать и всячески мешать культурным гражданам. Павел сердился на себя, а виноват, как обычно, весь свет.

Санников недолго оставался в одиночестве: сначала явилась приятная дама средних лет, судя по всему, иностранка, и заняла место у окна, а затем, виртуозно обходя пассажиров, бившихся за багажное место на полках, пришли две девушки, показавшиеся Павлу смутно знакомыми. Точно, он видел их рядом с представительницей турфирмы. Значит, журналистки. У одной еще волосы смешно заплетены в две тощие косички, это Павел запомнил.

– Двадцать один, двадцать два, двадцать три, – считала та, что с косичками, а вторая, белокурая и полненькая, озиралась с некоторым испугом, как будто попала на жертвоприношение по случаю праздника в одном из африканских племен. – Вот тут я сижу. А вы?

– А я вот здесь, через проход, в серединке.

– У-у... Сэр, – обратилась девица с косичками к Павлу, – вы не могли бы поменяться местами с моей знакомой? Понимаете, мы очень бы хотели...

– Не мог, – отрезал Санников, хотя его позабавило это «сэр».

– А почему? – спросила она искренне, глядя на него громадными, неправдоподобными какими-то зелеными глазищами.

– Потому что я не хочу, – объяснил Павел.

– У-у, – протянула она теперь с совершенно другой интонацией. – Ладно, Инна, видите, мужчина не хочет. Давайте с вами потом в автобусе вместе сядем! Хорошо? И вы мне расскажете про эту вакансию!

– Ладно, – вздохнула пухленькая и полезла на свое место в соседнем ряду, а эта, с косичками, сказала Павлу:

– А вы меня не пропустите?

Он молча поднялся, подождал, пока она упихнет на полку свое имущество (ноутбук девица не убрала), усядется, и затем уже сел сам и пристегнулся. Стюардессы ходили по про-

ходу, закрывали багажные полки и улыбались целлулоидными улыбками. Девушка возилась рядом, а затем тронула Павла за руку.

– Послушайте, а вы тоже в пресс-тур летите, да?

– На мне написано? – осведомился он.

– Не-ет, – протянула она, улыбнувшись, и тут он обнаружил, что смотрит прямо ей в переносицу, усыпанную еле заметными, но все-таки самыми настоящими веснушками, – я на багажной полке увидела пакет с логотипом. Такой же, как у меня.

– Вы сыщик?

– Я Маша Журавлева, – ответила она абсолютно серьезно, – из «Семейного отдыха».

А вы?

– Павел, – неохотно сказал Санников, отвел взгляд и замолчал. Не годится так пялиться на посторонних девушек.

– А откуда вы?

– Из Москвы, – окончательно раздражаясь, заявил Павел, – адрес назвать по прописке?

Она ничуть не обиделась, эта странная и очень общительная Маша Журавлева.

– Нет, я имею в виду – из какого издания?

Вот так теперь и будет, тоскливо подумал Санников. Она от меня не отстанет. Станет выпытывать, и расспрашивать, и интересоваться, и весь полет он проведет как на иголках, гадая – просто так она к нему прицепилась или не просто?

На подобный случай у Павла имелся безотказный способ. Потянувшись так, что в шее и плечах что-то смачно хрустнуло, Санников сцепил пальцы на бритом черепе и сказал с ленивой растяжкой, свойственной постоянным жителям неблагополучных районов:

– Да не, чё... Я вообще охранник. Ну, в охранной фирме работаю. А иногда для газеты «Утро» статейки пишу коротенькие, ну там про безопасность, что ли... – Он говорил и все косил на девушку правым глазом – действует, нет? – Ну я длинно особо не умею, а так. А мой редактор поехать не смог и меня отправил. Говорит, отдохнуть можно хорошо, выпить бесплатно. Это правда – про выпивку?

Конечно, по правилам игры не следовало задавать ей вопросов, однако Санников не смог удержаться.

– Иногда правда, иногда нет, – сказала Маша Журавлева, глядя на собеседника с особым пониманием – дескать, все мне про тебя теперь, милый, ясно.

– Ну, это хорошо. Я коньяк уважаю. В Испании, наверное, есть. Да я и в дьюти-фри прикупил, чтобы лететь не скучно было.

Маша кивнула и отвернулась, и Павел улыбнулся.

Хорошо с этими интеллектуальными девушками. Легко смутить.

Самолет вырুল на взлет, потом замер, прежде чем набрать скорость, и Павла вдруг охватило невероятное чувство свободы.

Все. Десять дней он никому ничего не должен. Жена, с которой непонятно какая стадия болезни под названием «совместная жизнь», работа и все, что к ней прилагается – депутаты, воротилы бизнеса и прочая прелесть, бойкая ежедневная газета «Утро», Ковальчук и ковальчуковский аврал – все это остается здесь, в Москве, и десять дней он, Павел Санников, не станет об этом думать. Он будет есть, пить, спать и смотреть из окна автобуса на страну, где до этого был лишь однажды и недолго, но все равно запомнил ее четко, как в выкрученном на максимум бинокле.

Полет до Мадрида занимал около пяти часов; после того как пассажиров накормили обедом, Павел задремал. Что-то такое ему даже снилось, легкое, как безе или вот йогурт из старого анекдота про алкоголика. Приходит алкоголик в магазин и спрашивает у продавщицы – что

это у вас там такое нежное, воздушное? Йогурт, говорит ему продавщица. Ах, йогурт, йогурт, вздыхает алкоголик и просит две бутылки водки.

Сны обычно к Павлу приходили, как эти две бутылки водки – тяжелые, звякающие в памяти, словно в авоське, и проснувшись, он очень хотел бы избавиться от похмелья, вызванного такими снами. Они взбаламучивали память, заставляли думать о том, о чем думать не следовало. И сегодняшний нестойкий сон в самолете был настоящим подарком – пока не превратился.

Павла разбудило хихиканье.

Двигатели исходили ровным гулом, в начале салона истошно орал чей-то ребенок, а рядом с Санниковым Маша Журавлева читала текст на экране своего ноутбука, бормотала и хихикала в кулачок.

От злости, что его разбудили, Павел посмотрел, что именно она читает – в линзах он видел очень хорошо. «Нисса была менее многословна, чем ее сестра, когда из лошади появился дракончик черного цвета. Если дракончиком можно назвать огромного монстра с огромной пастью, длинными кожистыми крыльями, длинной огромной шеей, мощным телом, покрытым огромными чешуйками, длинным хвостом и сильными мощными мускулистыми лапами с длинными желтыми когтями. Она просто онемела и не смогла двинуться с места».

Орфография, пунктуация, но более всего – неподражаемый стиль автора так поразили Павла, что он спросил, не подумав:

– Что это за ересь?!

– А? – Маша оторвалась от чтения и увидела, как попутчик смотрит на экран ее ноутбука. – А-а! Это я внештатным редактором работаю в одном издательстве, и мне присылают...

– Я не спрашиваю, кем вы работаете, – перебил ее Павел, – это что за ужас такой?

– Обычная литература для подростков, – ядовито отозвалась Маша. – А вы по утрам небось только Сартра читаете? А по вечерам Шопенгауэра, да?

Раньше Павел читал различную литературу, в том числе весьма специфическую, не пропуская ни одной новинки, а с тех пор как его жизнь дала крен, предпочитал биографии. Вот недавно биографию Черчилля прочел, например.

Все, о ком шла речь в этих книгах, уже померли давно и никоим образом не могли Павлу навредить.

– Литература для подростков – это Жюль Верн и Буссенар, – заявил он наставительно, хотя вовсе не желал с нею спорить – зачем время тратить, и так видно, что не большого ума девица. – В крайнем случае Вальтер Скотт. А не... дракон из лошади.

– Для журналиста вы выражаетесь более чем странно. А уж для охранника тем более.

Тут он вспомнил, что перед тем, как лететь, кормиться и спать, изобразил перед нею «паренька с раёна», а теперь глупо прокололся. Нет, не возьмут его в разведку, теперь точно не возьмут!

– Я контуженый, – буркнул Санников и отвернулся, и ему показалось, что девица снова захихикала – но над ним или над очередным пассажиром неизвестного автора, Павел не знал.

До конца полета он больше с ней не разговаривал.

3

*Помни, друг: тяжелее найти Друга, нежели подругу.
Lone de Vega*

Уже в аэропорту Маша забыла, что весь полет просидела рядом с недружелюбно настроенным господином, у которого явно с головой не в порядке, что работу так и не закончила и что прилетела сюда, вообще-то, не по сторонам глазеть. В аэропорту пахло чем-то удивительным – то ли такие пончики пекли в ближайшем киоске, то ли шлейф духов тянулся за пассажирами, складываясь из сотен ноток в потрясающий аромат, то ли уборщики побрызгали чем-то – но сразу стало ясно: аэропорт этот не свой, иностранный, а значит, путешествие уже началось.

Путешествие, в конце которого нужно отыскать ответы.

Представителей прессы встречала сотрудница «Эстрела-Тур» – загорелая почти дочерна, с выгоревшими на солнце волосами, от чего они казались мелированными, молодая женщина по имени Регина. Она здоровалась лично с каждым, проверяла фамилии по списку, ожидая, пока все получат багаж и выйдут в зону прилетов одного из терминалов громадного аэропорта Мадрид-Баракас. Группа постепенно собиралась, недружелюбный попутчик стоял чуть в стороне, как будто все это его не касалось, и Маша все косилась на него, пытаясь понять, что же это за тип такой.

Ей всегда были интересны люди – до одури, до самозабвения, иначе она не стала бы журналисткой. Маша Журавлева обожала брать интервью, писать о том, как одна звезда встретила с другой звездой, и потом они устроили звездную свадьбу, и дети у них тоже получились отличные, звездные. И сейчас Маша поглядывала на мрачного мужика (про таких раньше говорили, что в плечах у них косая сажень), наголо бритого, в черных зеркальных очках а-ля Арнольд Шварценеггер, и думала, каких только людей не заносит в журналистику.

Надо же, охранник, а статьи пишет. Чудны дела твои, Господи.

Группа оказалась небольшой – всего восемь человек. Кроме Инны, с которой Маша уже успела свести знакомство, и мрачного мужика Павла, была семейная пара – Света и Денис (оба работали на какой-то туристический портал), Владимир Вяземский из крупного фотожурнала (с ним Маша была знакома раньше и даже пила коктейли на какой-то вечеринке) и две женщины среднего возраста, державшиеся рядом и явно подруги – Алла и Карина. Работали они, кажется, на крупный издательский дом – вот что Маша успела расслышать.

Вяземский подошел поздороваться.

– Не видел тебя в аэропорту и в самолете. Рад встрече. – Он поцеловал Машу в щеку. От Вяземского вкусно пахло одеколоном. Если бы Володя не был страшен, как смертный грех, может, Маша и заинтересовалась бы им давно – но увы, увы. Однако фотограф он от бога.

– И я тебя.

– Как ты? Все еще встречаешься со своим – кто он там – топ-менеджер?

Она удивилась, что он помнит.

– Ну... да.

– Бросала бы ты его, Мария, – весело посоветовал Вяземский. – Приходи к нам работать. У нас такие мужики – любого бабы готовы на части порвать!

– Ну и зачем мне рваный мужик? – скептически осведомилась Маша. – Нет уж, я как-нибудь... скромно.

Вяземский захохотал, похлопал ее по плечу, как старого друга, и отправился знакомиться дальше. Он был общительный.

Регина, наконец, всех посчитала, кивнула и объявила:

– Сейчас мы сядем в автобус, и я проведу короткую экскурсию по Мадриду.

– А почему короткую? – спросил кто-то из старшего поколения – то ли Алла, то ли Карина.

– Потому что основное направление нашего тура – это парадоры, – объяснила Регина, и все стайкой потянулись за нею.

Громада и звучность Баракоса, бегущие дорожки, эхо голосов, теплый дневной свет за грандиозными окнами – все это вдруг словно сказало Маше: будет хорошо.

Да, она прекрасно помнит, зачем приехала. Да, она сделает все, чтобы достигнуть цели – но если вдруг окажется, что она неправа, что вообще не следовало ступать на эту дорожку, оставив людей жить так, как им хочется, – что же, она посмотрит по сторонам, почувствует Испанию, и сделает это без малейшего чувства вины.

– Вы в первый раз здесь? – спросила ее Инна, шагавшая рядом.

– Да, – улыбнулась Маша. – Я была в Италии, в Турции, Египте, в Германии... А здесь – впервые.

– Я тоже. Честно говоря, побаиваюсь немного, как бы нас не уморили. Десять дней в автобусе...

– Мы же не все десять дней будем ездить, – убедительно сказала Маша. – Я программу смотрела. В некоей Кардоне живем два дня и последние два – где-то у моря. Думаю, все будет хорошо, «Эстрела-Тур» не в первый раз этот маршрут обкатывает.

– А-а, – протянула Инна, но не слишком доверчиво. Маша уже успела заметить, что новая знакомая – девушка стеснительная, всего побаивается.

Маша Журавлева ничего не боялась. Ей уже нечего было бояться.

Транспортное средство, в котором предполагалось передвигаться в ближайшие дни, оказалось дивной помесью автобуса и маршрутки – с багажным отделением под солидным синим брюхом, все как полагается, с аккуратными рядами сидений по два, не очень длинным, не очень коротким, словом, для небольшой группы – в самый раз. В итоге каждый сел у окна – очень уж хотелось смотреть на красоты не из-за плеча другого журналиста, – и только Денис и Света сидели вместе. После того как скормили багаж автобусному брюху, все докурили, достали фотоаппараты и расселись, Регина примостилась на откидном сиденье рядом с водителем, кивнула ему и заговорила в микрофон:

– Добрый день еще раз. Меня зовут Регина, нашего водителя – Алехандро, и в ближайшие десять дней я покажу вам Испанию, которую вы, наверное, никогда не видели.

– Ну, кто как, а я тут в первый раз, – громко сказал Володя Вяземский, и в автобусе засмеялись. Регина тоже поулыбалась.

– Обычно приезжающие в эту страну туристы осматривают основные достопримечательности крупных городов – Мадрида, Барселоны, Валенсии, Севильи, Сарагосы... Конечно, часть этих городов увидим и мы с вами. Но то, что составляет нынче истинную сущность страны, что бережно хранимо и находится под защитой фондов культурного наследия и при этом является отличным местом для отдыха, – это парадоры. Я расскажу о них позже. А сейчас мы поедем по Мадриду и пообедаем в ресторане. К сожалению, мы не можем задержаться в столице надолго, потому что наша программа нацелена именно на парадоры, однако мы проедем мимо основных достопримечательностей.

Маша почти перестала слушать, потому что автобус вырулил со стоянки на шоссе, и вдруг панорама развернулась перед глазами – низкие, похожие на спящих зубров холмы, высокая трава у самой дороги, а в ней – красные глаза маков. В Москве трава еще только проклюнулась, и та сизая и неуверенная от недоедания, а здесь – простор, и воздух такой, будто его заваривали, как чай, и небо громадное и совсем летнее.

Маша прилипла к стеклу, позабыв про свою «фотомыльницу», и смотрела, смотрела... Регина говорила что-то о Мадриде, о нынешних выставках в музее Прадо, о том, что в садах

Ретиро так хорошо гулять, и сыпала испанскими названиями, звучащими для Маши как музыка. Потом, может, придется пожалеть, что невнимательно слушала гида, но сейчас Маша не могла оторваться от летящей за окном страны, просто не могла!

Через некоторое время автобус въехал в Мадрид, ловко поднырнув под парочку шоссе-ных развязок, и вдруг улицы встали повсюду, как будто город воздвигся из холмов и полей прямо сейчас, а не стоял здесь много веков. Движение усилилось, со всех сторон автобус подпирала бойкие мадридские машинки, некоторые – не крупнее жука; стремительно пронеслись велосипедисты, пешеходы в летней одежде бродили по улицам, и в этом вечном движении, кроме деловитости и упорства, присущих любой столице, ощущалась еще некая беззаботность.

– ...Конечно, жаль, что нам не удастся посетить парк Ретиро, – вклинился в Машины размышления приятный голос Регины. – Там сейчас все в цвету, а еще растут земляничные деревья – символ Мадрида. Однако, – тут она соскочила с официального размеренного тона и хихикнула по-девчоночьи, – русские обычно называют их «деревья-мозги». Они действительно похожи на мозги на ножках. Правда, чьи, никто так и не выяснил, и мы с мужем пришли к выводу, что свои собственные. Земляничное дерево изображено на городском гербе, вместе с медведем.

– А оно правда умное, или так, только с виду мозг? – спросил Володя, которому нравилось ставить всех в тупик неожиданными вопросами. Но Регина не растерялась.

– Вот переродитесь в следующей жизни таким деревом, и узнаете!

Маша засмеялась. И правда, хорошо, наверное, быть деревом-мозгом в благословенном городе Мадриде! Стоишь себе, черпаешь мудрость посредством ствола, забирая ее прямо из земли, и горя не знаешь. Под тобой стоят лавочки, отдыхают туристы, а ты стоишь и медитируешь. Годами.

Со скуки, наверное, сдохнуть можно. Хотя, с другой стороны, – а цветение? А жучки-короеды? Это ведь целое дело.

...Остановок сделали только две. Первую – на Пласа-Майор, главной площади города. Там оказалось солнечно, пыльно и так непривычно красиво, что Маша некоторое время стояла, моргая, и пыталась применить себя к месту. Это мама так говорила, когда Маша слишком уж уносилась мыслями в иные края. «Примени себя к месту!» – просила мама, что означало: надо вернуться в реальность. А сейчас Маше, ночь проведенной почти без сна и в самолете не поспавшей ничуть, казалось, что она спит и все это ей снится.

Парк Буэн-Ретиро – городской парк Мадрида, популярное место отдыха, площадью 120 га. Там находятся два дворца – кирпичный и хрустальный, озеро, фонтаны, прогулочные дорожки.

Часы работы: с мая по сентябрь 6.00–00.00, с октября по апрель 6.00–22.00.

Вход свободный.

Снится большая прямоугольная площадь, застроенная домами в стиле мадридского барокко (про барокко и прочее бодро вещала Регина). Снятся эти дома, все сто тридцать шесть, на которых четыреста тридцать семь балконов. С этих балконов когда-то давным-давно знатные горожане смотрели на рыцарские турниры, разные королевские церемонии, на взмыленных, окровавленных быков. Снятся кафе и магазинчики в прохладном сумраке галерей, расположившиеся прямо на мостовой художники, с картин которых словно брызжет ярким, беспощадным испанским светом. Все снится.

В поле зрения оказался Вяземский, державший наперевес черный страшный фотоаппарат, поднял это чудовище и нажал на кнопку – сфотографировал Машу.

Регина что-то говорила, показывала, сыпала именами королей, но Маше не хотелось слушать, и она пошла за голубем. Сытый мадридский голубь перебирал красными лапками, уходя

от заинтересовавшей его туристки, и все никак не мог решить – взлететь, не взлететь? Летать ему было лень, и Маша его определенно поймала бы, если бы ее не позвали в автобус.

Вторую остановку сделали у ресторана, который явно заключил договор с «Эстрела-Тур» на обслуживание туристов. Хотя сиеста была в самом разгаре и большинство заведений общепита стояли закрытыми, переживая страшную дневную жару в двадцать пять градусов, здесь журналистов обслужили. Подавали все традиционное – гаспаччо, паэлью, салаты какие-то, но Маша ела мало, больше глазела по сторонам. Ей нравились и стены, обшитые деревянными панелями, и небольшие картины, и старые фотографии. Маша сразу заметила, что здесь в почете красный цвет – цвет страсти, жертвенной крови Христа, кардинальских мантий и дьявола. И холодный суп в тарелке – гаспаччо – тоже был красный, из перетертых помидоров и прочих овощей. Пламенный народ эти испанцы.

После обеда, наевшиеся и довольные, погрузились в автобус. Маша приткнулась у окна и едва не заснула от тепла и сытости, но тут Регина начала рассказывать то, что пригодится затем для статьи, и пришлось наострить уши.

– Теперь мы с вами покинем Мадрид и отправимся в первый пункт на нашем пути – парадор де Чинчон. Но сначала я хочу спросить – кто-нибудь из вас знает, что такое парадоры? В Интернете посмотрели?

– Я посмотрела, – ответила Инна, стесняясь. – Это гостиницы.

– Все верно, – кивнула Регина. – Парадоры, или, как зовут их испанцы, Paradores de Turismo, – это сеть государственных отелей, расположенных либо в исторических и культурно значимых местах, либо непосредственно в зданиях, имеющих историческую ценность. Этому начинанию чуть меньше ста лет. В тысяча девятьсот двадцать восьмом году все начиналось с тридцати коек в отеле, а сейчас сеть насчитывает девяносто три объекта, которые могут принять в совокупности более десяти тысяч гостей ежедневно.

Кто-то – судя по всему, Вяземский – громко присвистнул.

– Многие парадоры – это монастыри, замки, дворцы, где сделан ремонт и проведена реставрация, тщательно сохранены исторические ценности. В парадоре обычно около шестидесяти номеров, иногда больше, иногда меньше, зависит от расположения и самого объекта. Например, в Агиаблаве, куда мы приедем в конце нашего путешествия, их больше, но этот парадор – не историческое здание, зато расположен в исторически значимом регионе. Все понятно?

– Понятно, что это круто, – не удержался Вяземский. – Значит, будем жить в замках?

– Мы постарались включить в наш тур различные объекты, – улынулась Регина. – Парадоры – государственные учреждения, и это дает возможность туристам пожить там, где в другом случае они не могли бы поселиться. Например, на острове Тенерифе, который, как вам известно, находится в составе Канарских островов и является территорией Испании, есть вулкан Тейде. В долинах рядом с ним любое строительство официально запрещено, ни одну частную гостиницу там поставить нельзя. Зато парадор есть – один-единственный на многие километры.

Маша вытащила блокнот и ручку и принялась делать заметки.

– Во всех автономных сообществах, за исключением Балеарских островов, парадоры являются ведущей гостиничной сетью. Это корпорация, у которой единственный акционер – испанское государство. Она получает важные преимущества для развития, преследует общественные цели. Наш тур как раз и направлен на то, чтобы познакомить россиян с парадорами, так как зачастую номера заказывают в обычных гостиницах, и большинство людей, побывавших в Испании, даже не знает слова такого – парадор.

– Темнота, темнота! – подал голос Денис, и Маша на него оглянулась.

– Испанские власти озабочены тем, чтобы привлекать в страну туристов, которые приносят немалый доход, – продолжала Регина. – Это способствует территориальной интеграции,

восстановлению и поддержанию культурного наследия, сохранению природных территорий, а также оживляет регионы, где туризм слабо развит или же экономическая активность невелика. Сейчас парадоров еще меньше ста, но постоянно появляются новые, так как за долгое время правительство осознало, насколько это выгодное вложение. И действительно, мало кто может устоять перед очарованием парадоров. Вы поймете это, когда мы поселимся в Чинчоне.

– А это замок? – спросила Карина.

– Августинское аббатство семнадцатого века. До него от Мадрида пятьдесят километров, поэтому ехать нам недолго. Когда приедем, нам проведут экскурсию по парадору, а пока наслаждайтесь видами.

И Маша наслаждалась – смотрела из окна на холмы, где на красной земле ровными рядами стояли оливы, и на облака, словно пылавшие под вечерним солнцем.

4

*Кто хваток, различает ясно,
Что пустяки, а что опасно.*

Lone de Vega

Павел не думал, что, согласившись на эту авантюру и прилетев в Испанию, он действительно оставит Москву позади.

Обычно, когда он уезжал, Москва всегда оставалась с ним – громадная, исходящая асфальтовым духом и амбициями, сомкнувшая кольца вокруг шеи. Он думал о том, что там оставил и что ему надлежит сделать, когда вернется.

А сейчас – нет.

Павел и раньше бывал в пресс-турах, но редко и в иных обстоятельствах; что плохого, если компания в рамках рекламной акции вывозит тебя за границу, показывает тебе, чем эта заграница живет, и ты не должен никому ни копейки, только затем – статью или пару статей, чего уж проще. Но еще ни разу ему не нужно было просто расслабиться и получать удовольствие – больше ничего не требовала приятная девушка-гид со звучным именем Регина. Даже информацию не нужно потом в Интернете смотреть, как советовал Ковальчук. Все понятно и легко запоминается.

Автобус бодро проехал мимо нескольких городков, встававших из-за холмов сонным великолепием черепичных крыш и каменных стен, и, наконец, Регина объявила, что подъезжают к Чинчону.

– Это очень старое поселение, – объяснила она. – На плодородных землях Вега де Тахуна люди жили с эпохи неолита. Здесь прекрасные условия для земледелия, и Чинчон получил статус города в пятнадцатом веке. А в семнадцатом августинские монахи, которых весьма привлекали властители города, основали здесь монастырь, получив специальное разрешение от папы. Во время войны с Наполеоном, когда французские войска безжалостно разоряли Испанию и Португалию, монастыри и прочие религиозные учреждения должны были разграбить согласно приказу императора. Но его брат, более религиозный, обошел это постановление, и собственность монастырей осталась при них.

Город стоял на холме – золотисто-алый под закатным солнцем, и стены старого замка казались неприступными. Автобус вскарабкался по крутой неширокой улице, повернул пару раз и вырулил на крохотную парковку, где и остановился. Алехандро заглушил мотор, а Регина пригласила всех выходить и разбирать багаж.

Пахло здесь еще лучше, чем в Мадриде. Большие города источают ароматы людей и машин, сколько бы там ни скандалили борцы за экологию: всегда присутствует легкий, почти неуловимый бензиновый флер. Запахи Павел чувал очень хорошо: иногда это умение спасает жизнь. Но такой вот городок, затерянный в распаханых полях, городок, где живут земледельцы, не мог пахнуть равнодушной сталью – и он пах теплым камнем, зацветающими каштанами и горшечной глиной.

Чинчон – город в 47 км от Мадрида, входящий в провинцию Мадрид. Город известен еще со времен господства мавров на Иберийском полуострове; тогда он принадлежал королевству Толедо. Большинство исторических памятников относятся к Средним векам.

Основные достопримечательности:

Пласа Майор – типичная средневековая площадь, окруженная историческими зданиями с 234 балконами, с большим каменным фонтаном

посередине, где плещется питьевая вода. Самые старые дома на площади датируются XV веком, самые новые – XVII.

Часовая башня – когда-то на этом месте стояла церковь Божией Благодати, самая старая в Чинчоне (XIV век). Она была разрушена во время войны за независимость, сохранилась только башня, претерпевшая несколько реставраций. Поэтому в городе бытует поговорка: «Чинчон имеет башню без церкви и церкви без башен».

Церковь Вознесения Богоматери – самая значимая церковь города, постройка которой началась в 1534 г. За годы существования церковь неоднократно перестраивалась. Часы работы: понедельник – суббота 18.30–20.00, воскресенье 10.30–13.00 и 17.30–19.00. Вход свободный.

Театр Лопе де Вега – построенный на деньги Общества Жнецов в 1891 году на месте графского дворца и действующий сих пор. Именно в этом графском дворце Лопе де Вега написал одну из своих комедий.

Графский замок – построен в конце XV века, но был разрушен в результате нападения простолюдинов в 1520 году.

После этого пару раз восстанавливался, однако войны и активность местных жителей, разбиравших его на кирпичи, не способствовали процветанию. В последний раз использовался как ликеро-водочный завод. Осмотреть можно только снаружи.

Парадор – каменная твердыня, вписанная в город словно бы незаметно (если бы Павел сам сюда приехал, то нашел бы отель далеко не сразу), – встретил гостей радушно. Двое клерков за стойкой ресепшн быстро оформили прибывших, а коридорные провожали их в номера. Так как сезон только начинался, туристическая фирма имела возможность разместить каждого журналиста в отдельном номере – отели еще не заполнены, можно позволить себе пошиковать. Регина сказала, что обычно цены в парадорах выше, чем в простых, «неисторических» отелях. Доплата за уникальность.

Номер, отведенный Павлу, располагался на втором этаже и выходил окнами на город и монастырский сад. Каменный пол, деревянные ставни, одуряющий каштановый дух из внутреннего дворика, заставленного столами и стульями с изящными коваными спинками. Широкую кровать Павел мысленно нарек сексодромом, оставил чемодан на специальной подставке в углу, умылся – вода сверкающей струей била из медного крана – и спустился вниз, где журналистов поджидала Регина. Рядом с гидом обнаружилась миловидная смуглая женщина, плохо говорившая по-английски, зато прекрасно и по делу трещавшая по-испански. Когда собрались все, Регина представила свою спутницу как Терезу Вильес, менеджера парадора, и та провела экскурсию по монастырю.

Павлу понравилось то, что хотя отель был современным, приспособленным для нужд взыскательных гостей, ничего лишнего с ним не сотворили. Коридоры, по которым некогда расхаживали августинские монахи, бормоча под нос молитвы, оставались все теми же гулкими каменными коридорами с высокими дверьми; их не обклеили обоями в веселый цветочек, не налепили где не нужно плитку – все, что можно оставить так, как было, оставили. Тереза показала лучшие номера, стоимость которых доходила до трехсот евро за ночь, – там стояли кровати под балдахинами, и ощущение нереальности происходящего становилось еще сильнее.

Павел так отвык от всего этого за последние годы – от старинных домов, пропитанных историей, как тортик кремом, от необычных мест, существующих на земле, от того, что некие куски мира не проникнуты повседневными проблемами господина Санникова, – что словно встряхнулся внутренне, как большой пес после купания в озере.

– А сейчас нам предлагают пройти в ресторан поужинать, – перевела Регина последнюю фразу Терезы. – В Чинчоне своя особая региональная кухня, основой которой является чеснок.

– Вампиров опасаются? – со смехом поинтересовалась та самая Маша Журавлева, что в самолете так раздражала Павла. Сейчас, на фоне наступившей благодности, веснушчатая журналистка уже не казалась такой противной.

– Может быть, – улыбнулась Регина. – Говорят, в Чинчоне много привидений. Но в основном дело в стойкости местной кухни, которую не смог испортить даже французский королевский двор, некоторое время имевший резиденцию в Аранхуэсе.

Иногда чувствовалось, что Регина уже довольно давно живет в Испании и начала выражаться по-русски немного не так, как постоянно проживающие на родине соотечественники. Павел отмечал мелкие огрехи в ее речи рассеянно и почти автоматически.

– Чесночные супы – очень вкусное местное блюдо, особенно в сочетании с хлебом, который выпекают в Чинчоне. Еще здесь прекрасно готовят кролика, птицу, куропаток и даже бычьи хвосты – все это есть в меню двух ресторанов парадора.

– Бычьи хвосты, – задумчиво протянул некрасивый тощий фотограф (кажется, его фамилия была Вяземский). – Люди умеют заинтриговать.

Тереза о чем-то пошептала с Региной, и журналистов, наконец, повели ужинать.

За ужином, отличным, надо сказать (гид объясняла, как называются блюда, и красочно расписывала их происхождение, умудряясь при этом споро работать вилкой), Павел едва не заснул. Ему было уже все равно, как крестьяне придумали суп и сколько чеснока они способны запихнуть в хлеб. День выдался длинным, разница во времени давала о себе знать. Хотелось вернуться в показавшийся таким симпатичным номер и завалиться на ту широченную кровать, пускай и в одиночестве. Павел подумал, что было бы, если бы он привез Ирину в этот парадор? Может, благодаря магии места что-то в отношениях сдвинулось бы в лучшую сторону? Нет, вряд ли. Любовь, несомненно, подыхала, лежа в уголке их пока еще не отремонтированной квартиры, где-нибудь в кладовке за банками с краской.

Регина сообщила, что осмотр Чинчона будет завтра, что завтрак подают начиная с семи утра и что завтрашняя программа есть в выданных распечатках. После чего милостиво отпустила всех спать.

Павел поднялся к себе и обнаружил, что забыл в ресторане часы: за ужином он снял их, чтобы постоянно видеть время (привычка, которую Ирина терпеть не могла, – это уже стоило их семейству двух отличных часов), а потом оставил за тарелкой. Пришлось возвращаться. Спустившись на первый этаж, у стойки регистрации Павел увидел ту самую Машу Журавлеву, которая, слава всем богам, от него отстала. Зато пристала к клерку, что-то ему втолковывая по-английски. Санников не разобрал, что именно хочет Маша выяснить у молодого испанца, но его голос звучал удивленно, а ее – настойчиво и встревоженно. Маша заметила Павла, оглянулась на него недовольно, сказала клерку «спасибо» и ушла; Санников облокотился о стойку и спросил про часы. Клерк, улыбаясь, протянул их.

– Мне уже принес официант, синьор. Так и подумал, что вы за ними спуститесь.

– Благодарю. – Павел сунул часы в карман, где они холодно звякнули стальным ремешком – дескать, опять нас забываешь, хозяин? Клерк продолжал улыбаться, но по-прежнему выглядел растерянным.

– Могу еще чем-то вам помочь, синьор?

– Моя коллега, – Павел указал в сторону, куда ушла Маша, – ей что-то было нужно?

– Она спрашивала меня о ком-то, синьор, кто бывал здесь когда-то, – объяснил испанец, – но я работаю тут всего две недели и ничем не смог ей помочь.

Павел кивнул, попрощался с молодым человеком и пошел к себе. Запирая солидную деревянную дверь, подумал мельком, что журналистка Маша Журавлева выглядела сейчас так,

будто у нее неприятности. Но спать хотелось очень сильно, и при виде «сексодрома» о Маше Санников мгновенно забыл.

Утром, после завтрака, смахивающего скорее на обед, сытых и потому лениво ползающих журналистов повели осматривать Чинчон. Городок Павлу при ближайшем рассмотрении тоже понравился – сразу видно, старое поселение, не какая-нибудь туристическая подделка. Над собором, стоявшим высоко на холме, над переплетением каменных улиц носились тучи ласточек; у магазинов, открытых для туристов, висели на длинных веревках громадные связки чеснока. Чесночный дух вплетался в каштановый, а тот перетекал в запах пыли, камня, цветов в горшках, что красовались на каждом окне; эти вспышки цвета на улицах радовали глаз. Регина что-то рассказывала, разумеется, но Павел просто смотрел. Он отлично выпался, пребывал в хорошем настроении и надеялся, что оно его не покинет в ближайшие несколько дней.

После часовой прогулки все забрали из номеров вещи и загрузились в автобус, и тот, чихнув пару раз от усердия, увез журналистов из Чинчона. Павел сидел у окна справа и видел наискосок плечо Маши Журавлевой в просвете между двумя креслами. На плече лежала косичка и подрагивала, когда автобус потряхивало на ухабах.

Впрочем, ухабы встречались редко. Дороги в Испании оказались отменные – гладкие, как зеркало, с яркой разметкой, по таким кататься одно удовольствие. Водитель явно никуда не торопился – сегодняшний маршрут был коротким. Сначала, как объяснила Регина, группа делает остановку в местечке с неприличным названием Аранхуэс, а затем отправится в Толедо, где и пробудет до завтра в местном парадоре.

Аранхуэс – город в 48 км от Мадрида, на реках Тахо и Харама. Знаменит в первую очередь своими садами и парками. Кроме садов и Королевского дворца, можно осмотреть Дом Фарманда, Дом Работников, Дом торгов и рыцарей, Королевскую часовню, королевский монастырь Санкт-Паскуал, Музей прогулочных садов, Дом Инфантес и Атарфе, Церковь Альпажа, старую больницу Олд Сейнт Чарльз, площадь Святого Антония, Длинный мост, мост Королевы, крытый рынок.

Журналисты, которые начали знакомиться еще вчера вечером, сегодня уже вели оживленные разговоры. Павел в них активного участия не принимал, но периодически приходилось отвечать на вопросы – в этом обществе отмолчаться не получится. Все эти люди привыкли добывать информацию, и чем больше, тем лучше. Никогда не знаешь, какое случайно выуженное из разговора словцо может пригодиться, на каком ты сделаешь статью, какое будет блистать в заголовке. Хорошо хоть, диктофоны не достали – записывать друг друга. Впрочем, Павел заметил, что Инна, сидевшая ближе всех к водителю, включает диктофон, когда Регина начинает рассказывать.

– Испанский композитор Хоакин Родриго, – говорила гид, – увековечил тот маленький город, в который мы сейчас едем, в своем знаменитом «Аранхуэсском концерте». Родриго написал этот концерт для испанского гитариста Рехино Саинса де ля Маса, памятуя о том, как прекрасно провел с женой медовый месяц в королевских садах.

– Видимо, действительно неплохо провел, если целый концерт написал, – неловко пошутил Вяземский, но никто не засмеялся, и фотограф, кажется, смутился.

– Аранхуэс – объект, который считается национальным достоянием. – Регина шутку тоже проигнорировала. – Здесь не ведется промышленное строительство и застройка фактически запрещена. Это очень красивое место, и не зря короли Испании выбрали его своей летней резиденцией. Под сенью деревьев в огромных парках они спасались от жары, уезжали из столицы, где летом часто случались эпидемии... Мы тоже прогуляемся по садам. У нас довольно много времени, поэтому я не стану вас торопить.

Автобус свернул с шоссе; по бокам дороги высились огромные тополя, чьи листья уже успели утратить невинный нежно-зеленый цвет и благородно потемнеть. От тополей свет сделался изумрудным, да таким и остался: Аранхуэс оказался и вправду зеленым городком.

Королевские сады, которые так расхваливала Регина, не то чтобы поражали – в мире есть парки и покрупнее, однако словно затягивали своими размерами и планировкой. В прудах обнаружались толстые водоплавающие птицы, лениво подплывавшие поближе: не отсыплет ли, туристы, крошек? У дворца прогуливался наглый откормленный павлин, при виде людей он взлетел на аккуратно подстриженную изгородь и оттуда недоверчиво смотрел, выставив брюхо. Павлин напомнил Павлу Егора Ковальчука.

Королевский дворцово-парковый комплекс – главная достопримечательность Аранхуэса, самое посещаемое место в городе. Загородная резиденция испанских королей. Часы работы: ежедневно с 9.30 до заката. Вход свободный.

Регина повела группу во дворец, а Санников приотстал и внутрь не пошел – не хотелось покидать солнечный парк. Мирно жужжали над цветами пчелы, ветер шумел в кронах здоровенных платанов, образующих длинные полупрозрачные аллеи, и Павел, отойдя чуть в сторону от входа во дворец, присел на кованую скамейку. Он сидел и ни о чем не думал, пока кто-то не тронул его за плечо.

Это была Маша Журавлева.

– Вам что-то нужно? – спросил ее Павел неприязненно – скорее по инерции, чем от взаправдашней злости. Его разморило от жары, и он не испытывал никакого желания ругаться с Журавлевой. – Вы мне солнце загораживаете.

Маша чуть отодвинулась.

– Послушайте, вы извините, что я к вам обращаюсь, – заговорила она совсем не таким тоном, как раньше, и от этого тона у Санникова побежал холодок по спине. Ничего такой тон не обещал, кроме неприятностей. – Я просто подумала... Вы сказали, что охранник. Это правда?

– Охранник, – кивнул Павел и для правдоподобия добавил: – А чё?

– А сколько вы берете за свои услуги?

Вот такого вопроса он, честно, не ожидал. Павел даже сел прямо, отлепившись от узорной скамейкиной спинки.

– Ну, это смотря что или кого нужно охранять, – раздумчиво протянул он. – Если склад какой-нибудь, ну там сутки – двое, то тыщ двенадцать в месяц, может, пятнадцать. Если человека, то от сложности дела зависит. Депутат – дешевле, бизнесмен – дороже...

– Человека, – торопливо проговорила Маша Журавлева. – Меня.

5

*Знай, о друзьях и об идеях,
О женищинах и о картинах
Не надлежит судить поспешно.*

Lone de Beza

Он поднялся и навис над ней, и непонятно было совершенно, что он там себе думает. У обычных людей выражение лица бывает, но этот о таком даже не слышал, наверное. И за стеклами зеркальных очков (как у Терминатора!) вообще ничего не разобрать. Злые у него глаза там, не злые и есть ли у него вообще глаза. Должны быть, человек все же. Или голем?

Почему-то это слово – «голем» – всегда ассоциировалось у Маши с такими вот лысыми и непонятными.

– Вас? – спросил охранник Санников довольно насмешливо, и это выдавало в нем человека. Или хорошо запрограммированного робота, конечно. – А от кого?

– Я не знаю, – вздохнула Маша. – Просто... ну, если вы не очень дорого берете, то я бы вас наняла. А вы стрелять умеете?

– Из лука? – уточнил он, и Маша совершенно растерялась.

– Почему из лука?

– Потому что вы выглядите сейчас, как благородная леди, нанимающая разбойника в Шервудском лесу. А у нас тут не Шервудский лес. У нас пресс-тур по Испании, в котором мы, по плану, должны расслабляться и получать удовольствие. Какого ляда вам понадобился охранник?

Он все-таки очень странный, этот Павел Санников, подумала Маша, глядя на свое отражение в его терминаторских очках. Во-первых, он необычно выражается, а во-вторых, со вчерашнего вечера ей стало казаться, будто она его где-то встречала раньше.

– Тогда вы, наверное, благородный Робин Гуд, – пробормотала она.

– Почему?

– Потому что на грубого Малютку Джона вы никак не тянете.

И тут он улыбнулся.

Уголки губ раздвинулись, блеснула полоска крупных ровных зубов, от носа словно чернильные полосы пролились – мимические морщины, бывающие у всякого, кто не дурак посмеяться, – и Маша подумала, что ничего об этом человеке не знает. Ничегошеньки. Откуда бы, конечно.

– Значит, так, давайте сначала, Мария Журавлева, – сказал Павел, снял очки и тут же прищурился: солнце било ему прямо в глаза дивным платиновым светом. – Вчера вечером вы что-то выпытывали у мальчика за стойкой в Чинчоне, а сегодня вам требуется охрана. Мне кажется, или эти события действительно взаимосвязаны?

Маша сглотнула и стала смотреть в сторону.

Рассказать ему или нет? Она и так полночи думала об этом, а потом все утро решалась к нему подойти. Она не знала, как его попросить, но понимала: без помощи ей страшно. Без помощи она ничего не поймет, ничего не сможет, и еще она банально боялась. Она не знала, чего следует ожидать, Маше казалось, будто кто-то постоянно смотрит ей в затылок. Маша даже оглянулась – нет, никого, только жирный павлин на живой изгороди. Павлин, конечно, смотрел, но вряд ли прятал под хвостом пулемет.

– Слушайте, если вы будете молчать, мы ни до чего не договоримся, – сказал Павел.

Маша вновь на него посмотрела. Он уже притерпелся к солнцу и теперь глядел на нее испытующе, почти не шурясь и, кажется, не моргая.

– Я... вы извините, я, наверное...

– Вы хотели ко мне подойти. Вы подошли и попросили. Это ведь не шутка, так? Или журналистский розыгрыш, и кто-то из наших коллег сейчас сидит в кустах с камерой?

Интонации гопника полностью исчезли из его речи, и фразы звучали округло и правильно, как у человека с хорошим образованием. Маша тяжело вздохнула.

– Я боюсь, что вы сочтете меня душой.

– А вам важно мое мнение? Или важно, умею ли я стрелять?

– Стрелять – это хорошо. – Он не послал ее на все четыре стороны, и Маша приободрилась. – Но мнение... тоже важно.

– Почему?

Он задавал уточняющие вопросы легко и резко, словно бил из снайперской винтовки.

– Потому что мне придется вам все рассказать, – объяснила Маша, перестав сомневаться. – А вы умеете хранить тайны?

– Вот блин, – сказал Павел Санников, взял Машу за руку и повел куда-то. Она по инерции сделала несколько шагов, но оказалось, что Павел тащил ее не в кусты – надругаться над девичьей честью, – а к следующей скамейке, стоявшей в тени.

Маша села, Павел тоже, на некотором расстоянии от нее. Очки он не надел и теперь постукивал ими по коленке, обтянутой джинсой.

– Давайте не будем плясать вокруг да около, – предложил Санников. – Я в танцах не силен. Что вам от меня нужно?

– Дело не во мне, а в моей сестре, – уныло объяснила Маша. – Это долгая история, и я боюсь, что не успею рассказать ее сейчас. Наши коллеги вот-вот вернуться. – Оба, не сговариваясь, посмотрели на вход во дворец. – Если вкратце, она, похоже, попала в неприятности в Испании, и я хочу узнать, что случилось. Но опасаясь, что это... крупные неприятности.

– Наркотики, оружие, торговля невольниками? – осведомился Павел.

– Я понятия не имею. Но Лиза пропала. Я хочу выяснить, в чем дело.

– И боитесь, что наркодельцы вас пристрелят?

Конечно, он ей не поверил, сразу видно. Наверное, думает, что это розыгрыш.

– Я над вами не подшучиваю, если вы об этом, – сказала Маша.

Она была очень храброй в Москве, когда от нее требовалась храбрость. Она была храброй для мамы, для друзей, для себя самой. Говорила: я сумею, я найду, я так этого не оставлю! И вот она здесь и совершенно не понимает, с чего начать и куда это все приведет. И еще этот над ней смеется. Конечно, она смешная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.